

Часто путают название этого заведения. В народе его называют Музей оккупации, в единственном числе, хотя на самом деле это “Музей оккупаций”, во множественном числе. С официальной точки зрения в Эстонии было 2 оккупации, со стороны СССР и со стороны нацистской Германии. В это трудно поверить, но государство не имеет отношения к созданию Музея оккупаций. Это частный музей, который содержится на деньги одной семьи и пожертвования.

Это крупнейшая гражданская инициатива, подарок Эстонии от Ольги Кистлер Ритсо. Она родилась на Украине, в Эстонию попала позже. Папа у неё был эстонцем, а мама украинка. Когда она была ещё ребёнком, отца сослали в Сибирь, а её и брата Аду перевезли в Эстонию. Мама, к сожалению, умерла после переезда. В сорок четвёртом году Ольга бежала, сначала в Германию, потом в США. У неё удивительная история и главное в ней - преданность Эстонии. В США она разбогатела, и на собственные деньги подарила Эстонии музей. Сегодня миссию матери продолжает дочь, Сильвия Томпсон.

Семья Кистлер Ритсо потратила на музей более 3 миллионов евро. Он рассказывает об истории Эстонии с 1940 по 1991 годы. В музее собраны фотографии и документы репрессированных, шпионские устройства. Увидеть здесь можно массивные советские монументы и просто приметы времени, за которыми охотятся антиквары. Несмотря на угрожающие название, в музее нет ничего страшного. Лично меня здесь охватывает чувство ностальгии, посмотрите на эту телефонную будку, в неё можно зайти и позвонить в своё детство, в 80-ые.

Алло, мама? Я сегодня задержусь у друзей. Ага, спасибо.

Команда музея тоже считает, что экспозиция может запугивать посетителей. Мне очень жаль, что у нашего музея сложился такой образ. Сейчас мы готовим экспозицию на 2018 год, и согласно нашему видению, она не должна вызывать чувство страха. Это больше о том, что мы учимся на основе опыта того времени, чтобы сделать наше будущее лучше.

Если говорить о сегодняшней экспозиции, то она существует уже 13 лет. Многие предметы за стеклом знакомы посетителям музея, которые жили в ту эпоху. Но для нового поколения, они становятся всё более и более непонятными, поэтому мы работаем над тем, чтобы создать новую экспозицию, которая, подчёркиваю, не должна запугивать.

Пресса запугивает, Нарва может стать вторым Донбассом, иностранные журналисты нескончаемым потоком с 2014 года, с момента начала войны на Украине, приезжают в Нарву и задают один и тот же вопрос: станет ли Нарва

следующей? Это отголоски Нарвского референдума об автономии 1993 года. Выставка, которая будет открыта в музее до 5 марта.

Референдум проходил в конце 1993 года. Мне тогда было 9 лет, и хорошо помню это время. Лето было жарким, нарвитяне, они отдыхали в санаториях Нарваиссы и на приусадебных участках. В то, что ситуация могла выйти из-под контроля и закончиться вооруженным конфликтом, верится с трудом. Это очень такая, скажем, нетипичная форма, когда для отстаивания своих каких-то прав или чего-то, вы не обычные рычаги используете, а проводите аж целые референдумы и требуете автономии, на которые собственно никто особенно представления не имеет, потому что это забавно, но в прессе, они стали публиковать концепт... они, в смысле активисты, стали публиковать концепцию автономной Нарвы уже после того, как было решение суда о том, что это всё не легитимно.

В итоге всё закончилось мирно. Нарва не стала вторым Приднестровьем и никогда не будет вторым Донбассом.

Я вот тоже всегда считал что мы очень схожи с Приднестровьем, то есть ситуация-то очень была схожая и хорошо, что мы не вляпались точно так же, как они.

Музей массово посещают туристы из России. Местные русские тоже заходят, а в музее они оставляют противоречивые отклики.

Существует очень много противоречивых мнений. Есть люди, которым очень нравится, которые изучают экспозицию с неподдельным интересом. Но есть и люди, которые воспринимают это как оскорбление или нападение. Само слово оккупация в названии здесь играет роль. Я и сама работала в кассе и часто слышала, что первыми словами посетителей бывает: “Здравствуйте, я оккупант.” Они, конечно, произносят это с юмором, поскольку они уже пришли к нам, и у них есть интерес к нам, но, несомненно, существуют люди, которые воспринимают уже само существование музея как нападение.

В скором времени музей может сменить своё название, и страна, которая ассоциировала себя с печальным прошлым, может посмотреть на свою историю другими глазами.

Мы хотим рассказывать больше, не только об оккупации, но и о сопротивлении, о восстановлении независимости и свободы. Наше новое название должно это отражать, то есть, название, например, может быть такое “Музей оккупаций и свободы”, и это выяснится в ближайшие месяцы.